

Хозяин, услышав это, обрадовался и тут же кликнул повариху резать курицу и готовить еду, а чай уже поставил перед гостями. В сельской харчевне не было ничего подходящего, и Хань Чжун не стал придирается, просто поднял чашку и начал пить. Чайная заварка была слабой, отчего его брови нахмурились еще сильнее.

На этот раз он возвращался с важной миссией. Он отправился в торговую поездку с молодым господином, но всего через два-три месяца в доме старая госпожа снова пригласила некоего «бессмертного наставника». Согласно письму из дома, этот даос был не таким, как прежние: не только обладал великой магической силой, но и разбирался в алхимии. Старая госпожа несколько раз видела, как он творит заклинания, и прониклась к нему огромным доверием, намереваясь просить его начать плавку пилюль, и уже собиралась принимать золотую пилюлю!

Услышав эту новость, молодой господин и испугался, и разозлился, но, не имея возможности оторваться от дел, поручил Хань Чжуну срочно вернуться с людьми и во что бы то ни стало остановить старую госпожу от приема пилюль!

Хань Чжун, конечно, понимал важность дела, но старая госпожа была женщиной упрямой и очень преданной даосизму. Судя по письму, у того даоса, похоже, и правда были магические способности, и даже императорский лекарь Го с восточной части города не смог ее отговорить. Как же ему, простому слуге, удастся предотвратить прием этих подозрительных «бессмертных пилюль»?

Душа была полна тревоги, и даже чай казался горьким. Как раз в этот момент за дверью снова раздался голос хозяина:

— О, даосский наставник, откуда вы пришли? Заходите отдохнуть или поесть? Пожалуйста, проходите внутрь.

Хань Чжун резко поднял голову и посмотрел наружу. У двери стоял юноша лет шестнадцати-семнадцати, невысокого роста, в даосском платке на голове и синем халате, с большим коробом за спиной — явно путешествовал в одиночку. Несмотря на то что он был весь в пыли, а одежда на нем была поношенной, это не могло скрыть его прекрасной внешности: красные губы, белые зубы. Если бы не какой-то потухший взгляд в глазах, его вполне можно было назвать «даосским отроком».

Эта внешность как раз была тем, что больше всего нравилось старой госпоже. Мысль мелькнула в голове Хань Чжуна, и он начал украдкой разглядывать юношу.

В это время Чжэнь Цюн и думать не мог о других посетителях. Едва добравшись до места, где можно было передохнуть, он поспешил снять короб со спины и сел за свободный стол.

Увидев такого красивого даосского отрока, хозяин расплылся в улыбке и начал расхваливать:

— Хотя наша харчевня и мала, еда у нас есть вся. Рис мы тщательно отбиваем, овощи свежие, и курица с рыбой у нас очень жирные. Что бы вы хотели поесть, даосский наставник?

Услышав этот перечень, Чжэнь Цюн сглотнул слюну и спросил:

— Сколько стоит чай?

Хозяин немного опешил:

— Всего монету...

— Принесите чайник, только чаю положите побольше! — Чжэнь Цюн тут же решил, достал монету и положил на стол. Шутка сказать, он с трудом сэкономил десять монет за всё утро, как же можно так просто тратить их на еду?

Не обращая внимания на странный взгляд хозяина, Чжэнь Цюн наклонился, развязал сумку и достал заранее припасенный сухой паек. В такую жару ничего долго не хранится, поэтому у него были только лепешки и соленья. Он также захватил несколько маринованных яиц. Утренний переход был утомительным, так что нужно было чем-то подкрепиться.

Подумав, он взял лепешку, разломил её пополам, сначала добавил туда солений, потом очистил яйцо и засунул его внутрь. Тщательно размяв яйцо, чтобы оно распределилось равномерно, он жадно откусил. К счастью, лепешка была свежей, а яйцо он замариновал сам, так что вкус был неплохим.

Однако не успел он прожевать и пару кусочков, как занавеска на кухне откинулась, и повариха вынесла большую миску с курицей. Чжэнь Цюн с тоской смотрел, как миску с куриными кусочками поставили на соседний стол: от нее валил пар, соблазнительный аромат ударил в нос, и даже чувствовался легкий запах зеленого лука. Опустив взгляд на свою лепешку, Чжэнь Цюн молча проглотил то, что было во рту, и снял бамбуковую трубочку, висевшую на коробе.

В трубочке был отвар из темной сливы, осталось всего на один стакан — решил просто допить его до конца. Какая в такую жару может быть курица? Его ледяной отвар из темной сливы — вот настоящее средство от жары! Внушая себе это, Чжэнь Цюн отвинтил бамбуковую стаканчик, нажал охлаждающий клапан и перелил отвар туда. Пощупав стенки стаканчика, он снова взял лепешку и быстро начал её есть.

Когда нажимаешь охлаждающий клапан, вода смешивается с селитрой, и охлаждение занимает всего десять минут. Как раз к концу еды напиток будет готов. Потом можно будет долить туда чая, и во второй половине дня на дороге будет прохладный чай. Думая об этом, он даже забыл про курицу на соседнем столе; ел и смотрел на стаканчик, наблюдая, как из него поднимаются тонкие струйки пара, и его настроение улучшалось. Когда появятся кристаллы льда — вот тогда отвар из темной сливы будет самым вкусным.

В несколько укусов управившись с лепешкой, Чжэнь Цюн собирался уже потянуться к стаканчику, как вдруг соседний табурет издал противный скрип. Взглянув туда, он увидел, что гость, евший курицу, встал и быстрым шагом направился к нему.

□

Он действительно замерз!

Если бы не видел это своими глазами, Хань Чжун никогда бы не поверил! Только что налитый напиток выглядел как обычно, но через некоторое время из него начал подниматься пар, а при внимательном рассмотрении оказалось, что в нем образовались кристаллы льда! Это же середина лета, когда он еще видел такую удивительную даосскую магию?!

Мысль пронеслась в голове мгновенно, и Хань Чжун тут же натянул на лицо улыбку. Обращаясь к юноше, который с недоумением поднял на него взгляд, он сказал:

— Я тоже проезжаю мимо, и такая встреча с даосским наставником — истинная удача. Не угодно ли вам оказать честь и разделить со мной трапезу?

Сказав это, он подал знак слуге, и тот тут же поднял тарелку с курицей и почтительно встал

рядом.

Хотя лепешка была уже съедена, но курица была прямо перед глазами — немного-то втиснуться можно. Чжэнь Цюн сглотнул слюну и вежливо ответил:

— Прошу вас, садитесь, почтенный.

Хань Чжун сразу же сел, и тарелка с жареной курицей оказалась посередине между ними. Увидев, как отрок не сводит глаз с еды, Хань Чжун улыбнулся и добавил:

— Пусть хозяин принесет еще два блюда, и рыбу, и мяса.

Затем он дружелюбно протянул руку:

— Даосский наставник, не стесняйтесь, приступайте, приступайте.

При таком настойчивом приглашении отказаться было трудно. Чжэнь Цюн тут же захватил кусок мяса и отправил его в рот. М-м, это был молодой петушок; хотя готовили его, в общем-то, просто, мясо было нежным и жирным, и глаза даоса Чжэня загорелись после нескольких дней вегетарианской диеты.

Быстро умяв курицу, он снова взял стаканчик и сделал глоток ледяного отвара из темной сливы. Холодный и сладкий — было невероятно приятно!

Поставив стаканчик, Чжэнь Цюн с опозданием заметил, что человек напротив даже не притронулся к еде, а лишь пристально смотрел на него, словно пытаясь разглядеть на его лице цветок. Даже будучи не слишком наблюдательным, он почувствовал что-то неладное и с подозрением спросил:

— А почему вы не едите, почтенный?

Отведя взгляд от бамбукового стаканчика, Хань Чжун мысленно вздохнул: точно не ошибся. После того как отрок сделал глоток, лед в отваре стал еще заметнее. Он действительно замерз, но почему же на лице юноши не было и тени хвастовства? Неужели это искусство настолько ничтожно, или он просто напускает на себя таинственность?

Не выказывая своих мыслей, Хань Чжун лишь улыбнулся и произнес:

— Я вижу, что вы, даосский наставник, обладаете необычным обликом. Не могу не спросить, где вы проходите практику?

— О, я собираюсь в храм Чанчунь, чтобы присоединиться к одному дяде-наставнику, — раз уж ему пришлось поесть чужого хлеба, Чжэнь Цюн честно ответил.

Хань Чжун выразил легкое удивление:

— Неужели это храм Чанчунь на горе Байюй? Эта гора находится неподалеку от Аньяна, а я как раз родом из Аньяна!

Храм Чанчунь был тем местом, которое старая госпожа часто посещала и жертвовала туда немало денег. Даосы в храме тоже занимались алхимией, но, к счастью, это были пилюли для укрепления здоровья и подпитки энергии, которые императорский лекарь Го проверял и вреда в них не видел. Если этот отрок действительно из храма Чанчунь, то доверия к нему можно было проявить больше.

Услышав это, Чжэнь Цюн оглянулся на караван, остановившийся у харчевни, и улыбка на его лице стала еще теплее:

— Какое же удивительное совпадение.

Неужели этот весь караван принадлежит этому человеку? Если бы удалось подружиться, можно было бы попроситься попутчиком!

Будучи главным управляющим Торгового дома Хань и проведя полжизни в разъездах, Хань Чжун сразу понял, о чем думает этот паренек, и, поглаживая бороду, рассмеялся:

— Встреча — это судьба! Если вы, даосский наставник, не против, можем продолжить путь вместе, так будет кому подстраховать.

Чжэнь Цюн тут же обрадовался и поспешно ответил:

— Не против, не против.

Разве так принято отвечать? У Хань Чжуна дернулся уголок рта, но он сохранял улыбку и, на ходу придумывая, сказал:

— Кстати, наша старая госпожа тоже прихожанка храма Чанчунь, она жертвует туда уже более десяти лет и чрезвычайно набожна. Храм Чанчунь славится своим искусством пилюль. Неужели вы тоже практикуете Великий Путь Золотой пилюли?

Услышав это, Чжэнь Цэн фыркнул:

— Какая же золотая пилюля Великим Путем? Она, скорее всего, людей убивает. Я изучаю Великий Путь Творения и постигаю Metal and Stone!

Разве золотая пилюля не делается из металлов и камней? Немного запутавшись от таких слов, Хань Чжун все же уловил главное: этот отрок не любит искусство Золотой пилюли! В таком случае, разве он не является идеальной кандидатурой, чтобы отговорить старую госпожу?

<http://bllate.org/book/16827/1547152>